

Окончание. Начало на 1-й стр.

Шел последний год войны. Город снял затемнение. Библиотека Всероссийского театрального общества распаковывала книги, расставляла справочные картотеки. Но однажды пришли работники цензурного комитета — Главлита. Они снимали с полок книги, изымали библиографические карточки. Тогда и были уничтожены все сведения о Всеволоде Александровиче Блюменталь-Тамарине. Он был изъят из памяти, из истории театра. В двадцатые—тридцатые годы это имя было широко известно театральной публике. Теперь оно почти забыто.

Свой поиск сведений о нем я начал с той же библиотеки. Правда, теперь она носит новое название — Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей РФ. В картотеках библиографического кабинета почти ничего обнаружить не удалось, зато в рукописном отделе меня ждала неожиданность. Здесь сохранились анкета, автобиография, карточки члена РТО, программы, фотографии актера.

Итак, возобновим знакомство. Всеволод Александрович Блюменталь-Тамарин родился в 1881 году в Петербурге. Его отец — знаменитый опереточный режиссер и актер, мать — одна из лучших «комических старух» московского Малого театра. (К слову, его дед по отцовской линии, выходец из Германии Эдуард Блюменталь открыл первое фотоателье в России.)

«Мать моя — Мария Михайловна, уже будучи на сносях, приехала на репетицию к отцу моему в Малый театр в Петербурге, который в это время репетировал, — вспоминал Всеволод Александрович. — Присев на стул за кулисами, она внезапно почувствовала схватки; едва успели притащить кушетку из уборной, положили, вызвали врача, но помощь его оказалась лишней, так как я до приезда доктора уже попискивал на кушетке на сцене».

Все детство Всево юда так и прошло на сцене. Семь лет играл маль-ика-бирюча в «Снегурочке» А. Н. Островского. (Это была постановка знаменитого М. В. Лентовского.) Первое образование получил в Московском реальном училище, затем проучился один семестр в Императорском техническом училище, что на Корovém броду. Но во время студенческих волнений 1898 года вместе с другими студентами выбросил из окна полицейского шпика, за что был исключен из института с волчьим билетом.

Страсть к театру привела его в оперетту Шумана в Вильно, где его отец служил режиссером. Вот рассказ самого Всеволода Александровича: «Первый выход мой был в оперетке «Виленское ревю», в маленькой ролике второго велосипедиста с куплетами и танцами. Все обошлось бы благополучно, если бы не известный опереточный комик, покойный А.З. Бураковский. Дело в том, что по пьесе злосчастный второй велосипедист, которого я изображал, разговаривает с представителем велосипедной фабрики, а представителем играл Бураковский. Я, выучивши, конечно, наизусть свою роль и все ее реплики, благополучно было закончил свой диалог с Бураковским и уже повернулся, чтобы уйти со сцены, как вдруг Бураковский останавливает меня словами: «Молодой человек, подите-ка сюда». Я, зная, что роль моя уже окончена, слов божья нет, растерялся невероятно, мелькнула страшная мысль, неужели что-то забыл, что-то не сказал.

Ужас. Что скажет отец. Сердце упало, холодный пот, рама провалилась в бездну, словом, состояние, близкое к обмороку. Бураковский же повторяет: «Подойдите же, подойдите, не бойтесь». Я пошел, как по раскаленной плите, и вдруг он задает мне вопрос: «Как ваша фамилия, молодой симпатичный человек?». Я остолбенел, не знаю, что ответить, по роли я второй велосипедист и только. Воцарилась пауза, которой я всю жизнь не забуду,

вдова» Легара), Гамлет, Чацкий, Уриель Акоста, Дон Карлос, Жадов, Парфен Рогожин и др.

В 1926 году Блюменталь-Тамарин отметил двадцатипятилетие своей сценической деятельности. В этот вечер он играл Кина. Нарком А. В. Луначарский огласил со сцены постановление о присвоении ему звания заслуженного артиста республики.

С театральным руководством Блюменталь-Тамарин не уживался. Он снова уходит из театра, соби-

ей на дачу в Новый Иерусалим. Семья — это жена, актриса вахтанговского театра Инна Александровна Лашчилина, Тамара Григорьевна Соколова, бабушка жены, и прислуга. Весь архив и ценности также были перевезены на дачу. В трехэтажных метрах от дачи он роет убежище, где они все прячутся (не то от бомбежек, не то от военного патруля). В одну из бомбежек погибли и бабушка, и прислуга. По свидетельству очевидцев, Блюменталь-Тамарин

бать за ненавидимую вами жидовско-коммунистическую власть, за жидовских правителей Америки и Англии, которым убицда Сталин продал ваши головы, посылая на смерть и мучения новые десятки и сотни тысяч бойцов, бросая их в бой на непобедимую германскую армию, складывая горы трупов, обманывая вас лживыми сведениями о победах над германцами, о близком окончании войны. Они, жиды, коммунисты, назвали страшную мисорубку, в которую они бросили народ, Отчужденной войной. Нет большего издевательства над нацией, как название бессмысленной кровавой бойни этим великим словом... Почему же вы молчите, почему позволяете умирать? Война проиграна».

Нам неизвестно, в какой степени этот текст принадлежит самому Блюменталь-Тамарину. Возможно, с ним «поработала» фашистская пропаганда. Но слово было произнесено им. Отныне каждый вторник и четверг около 18 часов он выступал по радио.

В газете «Новый путь», издаваемой фашистами на русском языке в Смоленске, была опубликована статья «Бегство артиста Блюменталь-Тамарина из советского ада». Он играл в спектаклях в городах, занятых фашистами. Следует заметить, что генерал А. И. Деникин, в агитпоездке которого когда-то участвовал и Блюменталь-Тамарин, в годы войны от сотрудничества с фашистами отказался.

В НКВД на Блюменталь-Тамарина было заведено уголовное дело. Уже 27 марта 1942 года Блюменталь-Тамарин был заочно приговорен военной коллегией Верховного суда СССР под председательством Ульриха по статье 58-1 «а» УК РСФСР (измена Родине) к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества.

Имущество (в том числе 270 книг), оставленное в московской квартире, было конфисковано. Блюменталь-Тамарин признан виновным в том, что, проживая на даче в Истринском районе, при подходе немецких войск к поселку не эвакуировался, а при занятии местности немцами в ноябре 1941 года изменил Родине и перешел на сторону врага, выступал по радио с клеветой на советскую действительность. Вместе с ним были осуждены и приговорены к расстрелу и члены его семьи И.А. Лашчилина и Т.Г. Соколова. В деле имеется справка о реабилитации Блюменталь-Тамарина от 11 февраля 1993 года на основании пункта 3 статьи 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий от 18 октября 1991 года». Приводим выдержку из решения Прокуратуры: «Судебной инстанцией допущены нарушения закона, в суд никоим образом не вызывали. О преступной деятельности Блюменталь-Тамарина против СССР в материалах дела сведений нет».

С января 1944 года Блюменталь-Тамарин жил в Берлине. 10 мая 1945 года его жизнь оборвалась. Он был убит неизвестными в городе Мюнзинген, где и был похоронен на русском кладбище. После похорон его жена — Инна Лашчилина и Тамара Соколова выехали в городок Бакин, что в восемнадцати километрах от Штутгарта. Правда, ходили слухи, что после войны их видели в Москве. Но они или молча уходили от знакомых, или говорили людям, их окликавшим, что те обознались. И мы наконец можем поставить точку в нашем рассказе о судьбе талантливого артиста, в которой отразился уродливый лик нашего жестокого времени.

Падение кумира

а Бураковский беспощадно продолжает пытаться меня: «Что же это с вами, молодой человек, фамилию свою забыли. А как вас зовут?». Что отвечать, когда на роли написано «второй велосипедист» и не имени, ни фамилии нет. Опять молчание, я чувствую, как спазмы подходят мне к горлу, а Бураковский продолжает под грохот публики: «Батошки, и имени своего не знаете. Хорош велосипедист. Это вы от езды одурели?». Публика ржет, у меня же слезы градом, безжалостный же Бураковский продолжает: «А где вы живете?». Я молчу, молчу, как убитый. Публика, поняв, грохочет. Тогда Бураковский берет меня за руку, подводит к рампе и, обращаясь к публике, говорит: «Видали дурака. Это все от велосипеда, а ведь на вид такой симпатичный». Гром аплодисментов взрывает театр, на сцене хор и оркестр покатываются от смеха. Из-за кулис глядят улыбающиеся физиономии пожарных. К вам убит, уничтожен, умер. Гордые мечты о славе разрушены. Не помню, как я ушел со сцены».

На следующий год Блюменталь-Тамарин — в харьковской труппе известного антрепренера Н. Н. Синельникова. Затем в Кишиневе (антреприза Петросяна), в Москве у Ф. А. Корша, в Тифлисе у Красова. 1905 год застаёт его в театре В. Ф. Комиссаржевской, откуда он перешел в Малый театр.

В своей автобиографии Блюменталь-Тамарин писал: «Я принимаю деятельное участие в революции, собираю деньги на оружие для боевых отрядов, устраиваю концерты, спектакли... В этом же году перехожу в театр Суворина, что на Фонтанке. За срыв во время всеобщей забастовки спектакля «Апостол», в котором я играл главную роль, меня высылают из Петербурга на год. Через год возвращаюсь обратно в Малый театр, а в середине сезона уезжаю в Киев, где служу 1907—1909 гг.».

Актер становится любимцем киевлян, но, поссорившись с Кручинным, он уже — в Нижнем Новгороде у П. П. Струйского, потом — в Малом театре в Москве, затем — у Н. Н. Синельникова в Киеве и Харькове (1913—1917 гг.). В 1918 году подписывает контракт в Одессе, но из-за тифа остается в Севастополе. Здесь, на Корабельной стороне, организует Театр для рабочих. В 1919 году Блюменталь-Тамарин участвует в агитационной поездке армии Деникина в Ростове-на-Дону. И, наконец, снова в Москве, в Театре быв. Корша, где выходил на сцену включительно по 1925 год. Среди его работ: Кисельников («Пучина» А. Островского), Гаспар («Корневильские колокола»), граф Данило («Веселая

В. Блюменталь-Тамарин в спектакле «Любовь тети Ани»

рает собственную труппу и создает Московский передвижной театр, с которым гастролирует по стране. Но адрес его местожительства все же постоянен: Москва, Малая Бронная, дом 19/6, квартира 4. В мае 1941 года Блюменталь-Тамарин отправляется в гастрольную поездку с программой, посвященной 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова. О дальнейшей судьбе актера никаких сведений в библиотеке СТД не имелось.

Поиск привел нас в Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Последний рассказ продолжим по материалам Уголовного дела Н-16687, с которым нас познакомил сотрудник архива Михаил Владимирович Савкин.

...День объявления войны застал Блюменталь-Тамарина в Черновцах на лермонтовских торжествах. Он спешит в Москву и перебирается с семь-

открыто говорил: «Я — немец. Мне ничего не будет. Мне нечего бояться прихода немцев...». Видимо, к этому времени план бегства уже созрел окончательно. И когда фашистские полчища подойдут к Москве, он двенадцать дней прячется с семьей в убежище. Истра взята немцами. Вместе с Блюменталь-Тамариным в оккупации оказались солист Большого театра И. Д. Жадан, директор Вахтанговского театра О. Ф. Глазунов и другие, жившие в том же дачном поселке. К середине января 1942 года Истринский район был освобожден. 3 февраля 1942 года Блюменталь-Тамарин выступил по немецкому радио для жителей России. Вот отрывок из его выступления: «Граждане освобожденных от большевизма областей, слушайте! Слушайте меня и вы, рабочие и крестьяне, колхозники, красноармейцы и советская интеллигенция! Слушайте все, в ком еще не убита совесть. К вам обращаю я слово мое. Я заслуженный артист Всеволод Блюменталь-Тамарин, сын любимой вами Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной, недавно умершей. Двадцать четыре года я, подробно вам, миллионы несчастных, замученных людей, так давивших властью большевиков, дрожал за каждую минуту своей жизни и жизни моей семьи. Я, подробно вам, был жалким рабом, не имеющим права высказать своего честного мнения, протестовать против немислмого насилия и преступления, совершеного большевиками. За эти страшные годы я не имел даже права пролить одну слезу по нежным друзьям моим и близким, чьи безвестные могилы затеряны по тундрам, по пустырям и оврагам Союза. Нет пяди земли на нашей родине, не политой кровью, и эта кровь взывает о святой мести убийцам. Но всему на свете есть конец. Я решил или умереть, или перейти на сторону германцев. У меня нет больше сил носить проклятые большевистские цепи, сковавшие самые лучшие мнения в моей душе, в моем сердце. Я бежал. Половина моей семьи погибла от бомбы советского летчика, но судьбе было угодно сохранить меня, может быть, для того, чтобы рассказать миру о ваших страданиях, рассказать все... Я проехал на грузовике от Москвы до границы бывшей Польши. В необозримых пространствах кровь красноармейцев, погибших детей, сынов и братьев. За что они погибли? Я вам скажу за что — за сохранение власти мерзавцев, власти Сталиных, жидов Кагановичей, Молотовых, власти преступников, превративших вас в бессловесных животных, заставляющих вас поги-